

ЗАВЕРШАЯ ГОД

Подготовлен к печати четвертый номер литературного и краеведческого журнала томских писателей «Начало века». Этот выпуск завершает текущий год и представляет вниманию читателей новые произведения литераторов, живущих как в Томской области, так и за пределами нашего региона.

Как всегда, в свежем выпуске наши читатели найдут произведения, написанные в разных жанрах. Это проза, поэзия, краеведческие очерки на популярную тему.

В числе публикаций, открывающих этот номер, – подборка стихотворений известного томского писателя Сергея Максимова, написанных совсем недавно, после возвращения из командировки на Донбасс. Замысел новых стихов о долге, чести и героизме, о ценности жизни и настоящей дружбы родились у него в этой непростой поездке.

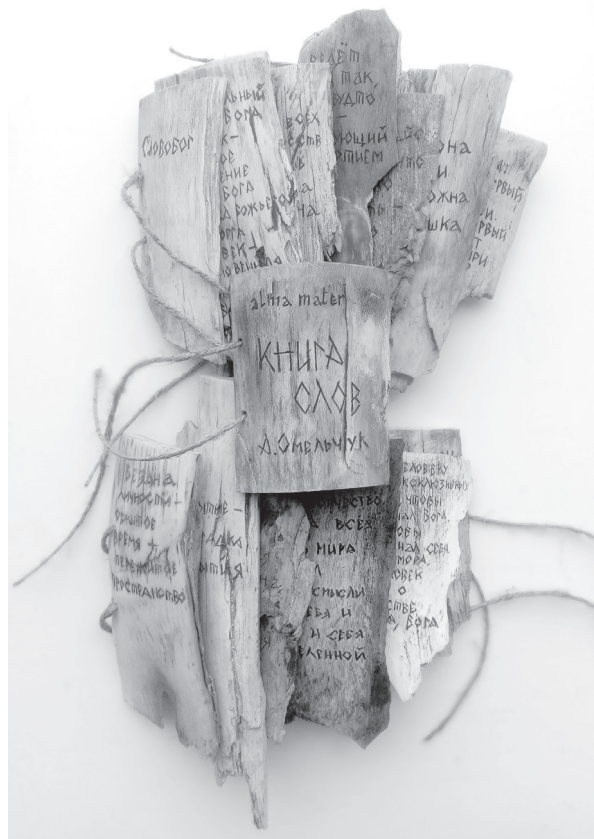
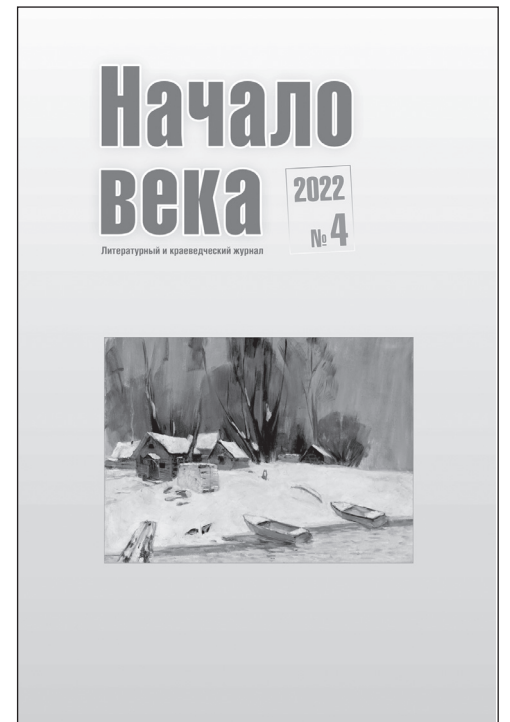
В разделе поэзии публикуются стихи одного из постоянных авторов нашего журнала, поэта Леонида Шелудько, подборка приурочена к его юбилею. Подборку новых стихотворений предлагает вниманию читателей патриарх томской писательской организации Вениамин Колыхалов. Также публикуются в этом номере стихи Татьяны Ярышкиной, Юрия Перминова и Александры Зайцевой. Есть среди этих стихов лирические и философские, о любви и о природе, о жизни и смерти – подходящие под разные настроения, для читателей разных возрастов и вкусов.

Произведение Анатолия Кирилина «Нулевой километр», размещенное в разделе прозы, – нечто среднее между маленькой повестью и большим рассказом, погружает читателя в хитросплетения сложной истории любви. Размышления главного героя созвучны тем, кто переживает любовные сомнения и муки.

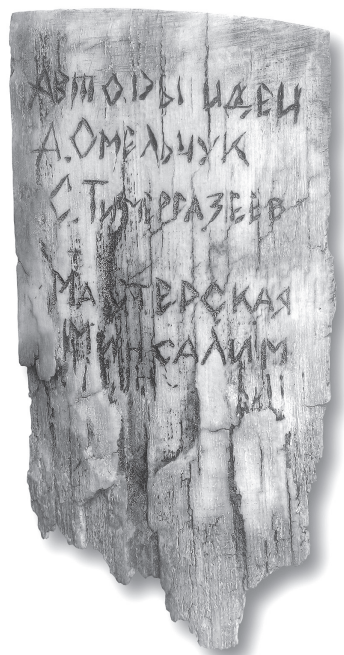
Проза молодой томской писательницы Анны Корсуновой, недавней выпускницы ТГУ, получившей специальность «литературное творчество» - подборка рассказов («Флейта», «Синий мир в клеточку», «Мусор в голове», «Нормальные джинсы») уводит от грустных настроений. Она полна легкой лучезарности. Тут и свежий, юношеский взгляд на жизнь, и милые герои – простые, наивные дети, и незамысловатые сюжеты из будничной ребячьей жизни. От этих страниц веет оптимизмом.

А размещенный в рубрике «Краеведение» материал Николая Новгородова под интригующим названием «Томский Лагерносадский рудник», рассказывающий о некоторых загадках прошлого нашего города, видимо, заинтересует многих. Тех, кто увлечен историей. Тех, кого волнуют тайны томских подземелий или штольни в Лагерном саду. Тех, кто помнит ошеломляющее зрелище – троллейбус, провалившийся под землю прямо на проспекте Ленина! Автор этого очерка рассказывает увлекательные истории из прошлого, анализирует массу различных источников и фактов и предлагает читателям сделать свои выводы, осмыслив все это.

На обложке журнала по традиции размещается репродукция с картины томского художника, на этот раз это одна из работ Германа Завьялова, заслуженного художника Российской Федерации, 85 лет со дня рождения которого отмечали в октябре. Зимний сибирский пейзаж дышит гармонией и умиротворением и пришелся сегодня очень кстати. Ведь этот номер выходит в свет на грани осени и зимы, открывая зиму. Электронную версию журнала может прочесть любой желающий, найдя ее на сайте Томский писатель, на портале Пушкинской библиотеки и в Журнальном мире.

КОСТЯНАЯ КНИГА

ТЮМЕНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ОМЕЛЬЧУК ПРЕДСТАВИЛ И ПОДАРИЛ СВОЮ КНИГУ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. В НЕЙ ВМЕСТО ЛИСТОВ БУМАГИ КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНЫ, НА КОТОРЫХ ТОБОЛЬСКИМ КОСТЕРЕЗОМ МЕНСАЛИМОМ ТИМЕРГАЗЕЕВЫМ ВЫРЕЗАНЫ АФОРИЗМЫ.

ОРДЕН ДОСТОЕВСКОГО

Эта награда вручена томскому писателю Геннадию Скарлыгину

Орден учрежден в честь 200-летия со дня рождения писателя кузбасскими отделениями Союза писателей России, Союза журналистов России, Творческого союза художников России, Государственным музеем истории литературы, искусства и культуры Алтайского края, библиотекой Кузбасса имени Федорова, а также Кузбасской Торгово-промышленной палатой при поддержке «Регионсервиса».

Для Кузбасса имя Федора Михайловича Достоевского имеет особое значение - 6 февраля 1857 года в Одигитриевской церкви Кузнецка (ныне - г. Новокузнецк) писатель обвенчался со своей первой супругой Марией Исаевой и прожил в городе около двух недель после свадьбы.

Праправнук Федора Михайловича - Алексей Дмитриевич Достоевский - соучредитель награды и почетный президент наградной коллегии.

Награда имеет международный масштаб - в числе ее соучредителей Немецко-Русский Институт Культуры (Дрезден) и Общество Федора Достоевского в Японии (Нагоя).

Орденом награждаются лица, внесшие значительный вклад в российскую культуру, литературу, искусство, сохранение русского языка и благотворительность.

Степан ТОРБОКОВ

НА СВОЕМ НАРЕЧЬЕ ЗВОНКОМ

Родоначальником шорской литературы признан певец-сказитель Степан Торбоков (1900–1980). Родился он и большую часть жизни провёл в селении Тайлеп, ныне Осинники Кемеровской области. Здесь же работал учителем в школе-семилетке. Закончил церковно-приходскую школу, а в 20-е годы поступил на курсы ликвидации неграмотности в городе Мыски. В 37 лет Торбоков поступил заочником в Томский университет, а по окончании его преподавал географию в школе. Песни и сказания на шорском языке Торбоков начал записывать по памяти, сам же переводя их на русский. Впоследствии песни и сказки горной Шории Степан Семёнович передал Хакасскому институту языка, литературы и истории.

ПЕСНЯ

Слышишь, друг мой, как в улусах
Парни, девушки поют?
Словно бусинки на бусах,
Звуки к звукам звонко льнут.
Будни праздниками стали,
От печали нет следа.
И летят в лесные дали
Песни - спутники труда.
С песней молодость встречает
Утро солнечного дня.
В песне сердце раскрывает
Сердце, полное огня.
Друг мой старый, друг-ровесник,
Был и наш конек ретив.
Но другие были песни –
Грустный, горестный мотив.
Он звучал глухой тоскою,
Как ручей с таежных гор,
Чтобы вольною рекою
Выйти к солнцу на простор.

ГОЛОС ГОР

На своем наречье старом
Каждый день с утра
Разговор ведет с Мустагом Огудун-гора.
Молча слушают деревья
Тихий разговор.
Скреплена поверьем древним
Дружба этих гор.
- Мы с тобой родные братья.
Говорит Мустаг, -
Реки нас берут в объятья –
Их вода чиста.
- Сто ветров над нами пели.
Ухала гроза –
Мы от горя поседели, -
Огудун сказал. –
От людской слезы горячей
Дивной красоты
На скалистых наших кручах
Выросли цветы.
Знаю, вспоминают горы
Давние года.
Потому не стану спорить
С ними никогда.
Я стою на горном склоне,
Сын счастливых дней.
Светит солнце над зеленой
Шорией моей.

Цвет у Томи-реки
Золотой, необычный.
Хорошо, когда берег
В кайме лиственничной...
Хорошо, когда много
Сестёр у жены.
Цвет у Мрассу-реки
Серебристый, медовый.
Хорошо, когда берег
В кайме тальниковой...
Хорошо, когда с мужем
Все братья дружны.
Если крикну в тумане -
Все сестры услышат.
Крикну в темную полночь –
Все братья придут.
Хлеб овсяный разделим
Под круглою крышей.
Угощать дорогих –
Утешенье, не труд.

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ

Когда буланный мой заплещет
На гребне льдистого торца,
Наверно, дома кто-то скажет,
Что я покинула отца.
Когда соловый мой по склону
Крутой горы начнет бежать,
В поселок, скажут, отдаленный
Умчалась я, покинув мать.

ОБРАЩЕНИЕ СВАХИ К НЕВЕСТЕ
За кисейной занавеской тонкой
Что же ты сидишь, отца отрада?
Льются песни свадебные звонко.
Собирай, красавица, наряды.
За шелковой занавеской тонкой
Что сидишь ты, матери отрада?
Ждёт тебя далёкая сторонка.
Собирай, дитя моё, наряды.

ПОЖЕЛАНИЕ НЕВЕСТЕ

В твою юрту шестиугольную
Пусть вливается лунный свет.
И счастливая, и довольная,
Проживи же ты сотню лет.
В новый дом, что блестит окошками,
Постучится степной рассвет...
И счастливая, и пригожая,
Проживи же ты много лет.

ТОЙ

Я на свадьбе недавно гулял,
Не один опрокинул бокал.
Захмелел - жениха удивил:
- А большой ты калым запластил?
Вот уж было смешно молодым:
Про какой говорит он калым?
Видно, вспомнил бывшее житьё. –
Мой калым - это сердце моё!
Любовался невестой жених,
Все, любясь, глядели на них...
Но иной мне припомнился той.
Нет калыма - ходи холостой.
Это было, дружба, не во сне.
Это молодость вспомнилась мне!
Но вздыхать-горевать я не стал,
Поднял новый бокал и сказал:
- Пусть живёт молодая чета
Много-много, не менее ста,
В шестьдесят чтобы им не хворать,
Чтоб и в семьдесят горя не знать.
А как матерью станет жена,
Пусть одна не грустит у окна,
Впереди пусть шумит детвора,
За спиною - в излишке добра.

СПОР ЖЕНЩИН

Сидели как-то женщины днём с огнем,
Ни шитья, ни иглы в руках с давних пор,
Вот от скуки они затеяли о своем,
О мужчинах своих, глухой разговор.
Самой первой хвастаться стала Сырга:
- Лучше, чем превосходный мой муж,
Невозможно нигде сыскать мужика,
Хоть по статности, хоть, возьми, по уму!
- Не права ты, Сырга, - ей тут же в ответ
Говорит Матон. - И получше мужчины есть.
Скажем, муж мой, - задумает что в голове
И тогда он не будет ни спать, ни есть, -
Только сделает все! Мой твоему - не чета,
Мой - получше и разумом, и душой!
Скажем, пальцем не тронул меня никогда,
А не то, чтоб за косы таскать, - как иной.
В спор вмешалась Адек: - Мой муж - лучше всех!
Он же - мастер во всем, и ему везет,
И за что б он ни взялся - всегда ждет успех,
А меня, как сокровище, он бережет!
Тетка Татла в сердцах промолвила: - Эх!
Ведь и мой на крыльях ввысь вознесен!
Тоже думает всё о заводе, о всех,
Только лишь о доме не думает он!
Среди всех молчала Таяна одна.
Все подумали: нечего ей сказать.
Только было заметно порой, что она
То пылала, то опускала глаза.
К тридцати годам подходил ее век.
- Хороши, - полагала, - мужья у них.
Только самый лучший мужчина из всех –
Это мой, мое сердце взявший жених!

Шестьдесят косичек в конской гриве
Тем похож на девушку Игренька.
Конь и всадник - полетим, как птицы.
Не крылаты, что ли, мы, Игренька?
А когда под кай-комус Торбоков
Песнею затронет вас глубоко,
Скажете: в шестнадцать вёсен парнем
Кажется седой кайчы Торбоков.
Пятьдесят косичек у Игреньки,
Тем похож на кыс он молодую.
И крылат он, будто птица беркут.
Сяду на него и полечу я.
Но когда возьму комус я звонкий,
Будет струнный бой - быстрее Игреньки.
Покажусь в семнадцать весен парнем
Я, охотник и кайчы Торбоков.

В Кандалепе, земле отцовской,
У реки шестьдесят перекатов.
Сын Торбокова знает песни
Всех шестидесяти кайчы.
В Кандалепе, земле материнской,
У реки есть семьдесят плесов.
Знает песни Торбоков-парень
Всех семидесяти кайчы.

ПЕСНЯ ОХОТНИКА

На твои, Алатау, вершины
Я на белом взбирался коне.
А спускался в родные долины
Сам седло приносил на спине.
И на сером коне, в бездорожье,
Я на синий взбирался таскыл*

А когда возвращался к подножью, -
Сам седло на себе приносил.
Под комус припомню лишь ныне
Я о белом коне удалом.
Он остался в снегах на вершине.
И бедро его стало холмом.

* Таскыл – высокая скалистая гора.

ПЕСНЯ НАЕЗДНИКА

Мой скакун, товарищ мой,
Неразлучный мой конек,
Ты, как вихорь огневой,
Ты - как пенистый поток.
Грива золотая лентой перевита,
На уздечке тонкой удила стальные.
Цокают копыта, звонкие копыта,
Обгоняют ветер скакуны степные.
Береги добро отар,
Охраняй родной табун.
Ни мороз тебя, ни жар
Не удержат, мой скакун.
Много-много нам дорог
В ковьялах седых лежит.
Цок да цок, цок да цок,
Конь бежит - земля дрожит.
Грива золотая лентой перевита,
На уздечке тонкой удила стальные.
Цокают копыта, звонкие копыта,
Обгоняют ветер табуны степные.

ГОВОР КАЙ-КОМУСА

Выпью чарку вина,
Голова хмельна.
Возьму кай-комус,
Веселье в дому, Эх, эй-е!
Заходи, человек,
Праздник у нас,
Хариусы в печке,
Пускаются в пляс, Эх, эй-е!
Из тайги охотник
С добычей пришел,
От еды сегодня
Ломится стол,
Эх, эй-е!
Гости раздеты,
Сидят за столом,
Эй, хозяин, где ты?
Давай споем,
Эх, эй-е!
Скажу без утайки,
Хотя и грешно,
Молода хозяйка –
Сладкое вино,
Эх, эй-е!
Играй, кай-комус,
Подпевай песне.
Кто не пьет, тому
За столом тесно,
Эх, эй-е!
Кай-комус, играй,
На душе легко.
Слава богу, до утра
Ой, далеко,
Эх, эй-е!

Публикацию подготовил Александр КАЗАРКИН.